

ОЛЬГА ДОВГИЙ

(Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова)

**ОППОЗИЦИЯ «ПРАВДА/ЛОЖЬ»
В САТИРАХ АНТИОХА КАНТЕМИРА:
МИКРОФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Opposition "Truth/Lies" in A. Cantemir's Satires: Microphilological Approach

The paper deals with the analysis of representation of one of the key oppositions in A. D. Kantemir's Satires "Truth /Lies" on microlevel of the text. The analysis consists in comparison of lexico-semantic fields of truth and lies, their metaphorical codes, the system of rhetorical techniques. The distinction line between truth and lies is very thin; it is necessary to monitor the smallest details — the signs — in order to be able to distinguish between them. The keys to decoding these signs often lie at the microlevel of the text. Cantemir's Satires equip us with those keys.

Keywords: A. Cantemir, Satires, System of Key Oppositions, Truth/Lies, Microphilology

Настоящая статья основана на признании сатир единым текстом, в основе которого лежит система универсальных оппозиций: «большой/малый», «старый/новый», «молодой/старый», «чистый/грязный», «свой/чужой», «ум/глупость», «покой/беспокойство», «жизнь/смерть» и т.д. (Анализ сатир сквозь призму этих постоянно пересекающихся оппозиций, по сути пример тезаурусного подхода, предпринято нами в монографии «Развернуть старика...»: сатиры Кантемира как код русской поэзии. Опыт микрофилологического анализа»). Каждая из этих оппозиций является ключевой, т.к. работает во всех сферах жизни, делит мир на две половины, высвечивая характерологические особенности каждой из сторон. Все эти оси находятся в постоянном взаимодействии: стоит затронуть одну — тут же отзываются остальные; их можно сравнить с кровеносными

путями в едином организме сатир. Одна из таких осей — оппозиция «правда/ложь», в зеркале которой отражаются все персонажи и сам автор.

Все сатиры – рассказ об обманах. Люди обманывают друг друга в действиях и прикрывают этот обман ложью в словах. При подробном тезаурусном анализе (если таковой когда-то будет принят) нужно обратить внимание на пару понятий «обман/ ложь». В настоящей статье речь пойдет только о лжи словесной.

При анализе этой оппозиции важны две пары антонимов: существительных («правда»/«ложь») и глаголов («верить»/«не верить»). Именно глагольная пара часто оказывается критерием, позволяющим вынести окончательный вердикт: то, во что каждый из персонажей верит, — это правда; во что не верит – ложь.

Универсальная стратегия всех персонажей сводится к объявлению позиции оппонента ложной, а своей – правдивой. Обвинение во лжи – очень серьёзное. Адресовав его своему противнику по 4-му статусу риторики — статусу отвода (Гаспаров 2000, 475), когда обманщик обвиняет в обмане того, кто его уличил, можно с успехом защитить себя:

Если ж кто вспомнит тебе граждански уставы,
Иль естественный закон, иль народны нравы -
Плюнь ему в рожу, скажи, что врет околёсну...(I).

(При цитировании в скобках указывается номер сатиры; все выделения в тексте сатир сделаны нами — О.Д.).

Оппозиция «правда/ложь» тесно связана с оппозицией «знание/незнание».

Расколы и ереси науки суть дети;
Больше врет, кому далось больше разумети;
Приходит в безбожие, кто над книгой тает.... -,

так Критон из первой сатиры напрямую связывает знание с ложью. Тема плавно переходит в другую плоскость – религиозную, связывая знание с неверием: много знают – мало верят. «Маловерие» или неверие – перифраза признания слов противника ложью:

И просит, святая душа, с горькими слезами
 Смотреть, сколь семя наук вредно между нами:
 Дети наши, что пред тем, тихи и покорны,
 Праотческим шли следом к божией проворны
 Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
 Теперь, к церкви соблазну, Библию честь стали;
 Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
Мало веры подая священному чину...

Получается такая картина: мало знали – слепо верили служителям церкви, считали их слово правдой («слушали, что сами не знали»). Очень важно здесь и упоминание страха; вера оказывается связанной с ним напрямую. Узнали больше – стали сомневаться, перестали бояться. И еще важный момент: в слово церковников не верят дети, что стали «честь Библию», – растет поколение не верящих слепо слову церкви.

Итак, человек, постигший «повод, причину» (читай: науку), не верит попам; считает их слова ложью. А мракобес – наоборот – не верит науке:

Трав, болезней знание – голы все то враки;
 Глава ль болит – тому врач ищет в руке знаки;
 Всему в нас виновна кровь, *буде ему веру
 Дать хочешь...*
 А пока в баснях таких время он проводит,
 Лучший сок из нашего мешка в его входит.

Перед нами зеркальное отражение. Стратегия и аргументы сторон совершенно идентичны: и сторонники Старого, и сторонники Нового обвиняют оппонентов в шарлатанстве и желании нажиться при помощи обмана – и эти обвинения отражаются в зеркале словосочетания «дать веру»: «мало веры подая» – «буде ему веру дать хочешь». Веру можно дать или не дать; это в силах человека. Все зависит от умения, искусства.

Трав, болезней знание – голы все то враки, –

откровенно заявляет Силван в первой сатире. Заметим в скобках, что это весьма редкий случай употребления эпитета «голый» в отношении лжи. Как правило, в зеркале оппозиции «голый/украшенный» богато украшенной выглядит как раз ложь. Отметим и рифму «враки-знаки». Слово «знаки» относится к правде, но рифменное сближение не может не наводить на мысль, что и у лжи есть знаки, по которым ее можно распознать (фактически – когда ложь честно говорит, что она лжёт; то есть говорит правду).

Вопрос «правда это или ложь?» подобен рентгену, просвечивающему все действия и слова. Практически каждый персонаж считает, что знает правду. Но правда у всех своя. Что для Автора правда, то для хулителей науки – ложь. Проверку этой оппозицией постоянно проходят все персонажи; в результате видна семантическая относительность и размытость ее членов: одно и то же утверждение может быть объявлено как правдой, так и ложью; причем не только разными людьми, но и одним и тем же человеком при изменении обстоятельств. Люди непостоянны и легко меняют свои взгляды — это один из важнейших мотивов сатир:

...в одном трудно

Час они могут стоять, и что теперь хвалят,

Величают – спустя час хулят уж и малят... (VIII)

Вывод, к которому ведут все многочисленные примеры, таков: ложь свойственна всему человеческому роду:

«Нет правды в людях, - кричит безмозглый церковник...» (I).

В литотной формулировке Сатира, все люди «с правдой не в дружбе», а слова «человек» и «обман» — синонимы:

Ты человек, знаю я, - обман сей не новый

В вашем роде: обыкли вы все льстить словами,

И дружбу свою являть уст лише краями,

Злобны сердцем...(V)

Привыкшие ко лжи люди думают, что могут обмануть бога. Очень часто так считают служители церкви – например, Варлам из третьей сатиры:

И себя льстя, бедный, мнит: так как человеки,
Всевидцы легко прельщать бога вышня веки...
Но бога обмануть нельзя:
Сколько часто ни молишь, он твои обманы
Видит, и вот тяжкие грозят тебе раны...

Привычка ко лжи укореняется с раннего возраста – причем не считается зазорным в ложных клятвах прибегать к божбе:

...и знает,
Унесши младенец что, *небом и землею*
Отлыгаться пред отцом, – наставлен слугою...(VII)
и передается генетически:
У Савки век на губах правда не садится,
И врет, что на ум взойдет, что в ночь не приснится? -
Лгуни бабушки его помним бесконечны
Басни, койми надоел язык скоротечный (VII).

В сатирах немало персонажей «знающих правду», как среди сторонников Старого, так и среди сторонников Нового. Важно правильно этим знанием распорядиться. Правда может оказаться и средством достижения славы и богатства, и причиной многих бедствий. Всех знающих правду условно можно разделить на правдивых и неправдивых (говорящих/не говорящих правду). Не говорящие правду – в свою очередь – делятся на просто молчащих и говорящих ложь.

Правдивых мало. Это Автор, Муза, Сатир, Перьерг.

Неправдивых – очень много; и с именами, и без имен. Отсутствие имен – тоже знак типичности явления.

Все сатиры – иллюстрация того, как тяжело жить тому, кто «правду говорить принялся» и как легко обманщику.

Обман всегда связан с риторической операцией замены – как на уровне RES, так и на уровне VERBA. Главным здесь является все-таки уровень VERBA: без соответствующего словесного оформления, без искусной замены слова обман и в действиях, и в словах вряд ли будет успешен.

Метафора одежды принципиально важна для описываемой оппозиции. «Одет – раздет – и вновь одет» – так можно описать процессы перехода одного и того же сообщения из категории правды в категорию лжи и обратно. Часто одни и те же действия, обозначаемые разными словами, интерпретируются по-разному. Оппозиция «хвала/хула» – близкая родственница оппозиции «правда/ложь». Например, человек, «...что за взгляд один, за словцо неважно/ Ищет ссору и драку и в мал час отважно / Не щадит и саму жизнь, чтоб вредить другому...» для людей – «храбрый муж», а для Сатира «безмозглый дурак»; Стенон, «врущий в беседе», для людей человек «веселого нраву»; для Сатира – «нахал». Люди правду скрывают; Сатир ее обнажает. И все это при помощи замены слова.

Одна из самых популярных форм лжи – хвала, лесть, вплоть до совсем бессовестной:

Всяку речь, сколь ни глупа, хвалить надсажаясь;
 Смутны, по его лицу, или улыбаясь,
 Готовы, если б то он сказать был намерен,
 Признать, что сажа бела и снег собой черен...(V).

Идя в глубь тезаурусного анализа, увидим важность количественной оппозиции: «в меру»/«без меры». Это как раз тот случай, когда количество переходит в качество. Часто люди страдают из-за того, что в обнажении правды переходили черту; но и чрезмерно усердствовать в украшении лжи тоже бывает опасно. Например, в сфере науки легко пройти путь от неверия, отрицания пользы наук до хвастовства большой ученостью (по сути – тоже лжи). В этом случае лжец искренне верит, что говорит правду:

Когда тот, что губы чуть помазал в латину,
 Хвастает наукою и ищет причину
 Безвременно всем скучать долгими речами,
 Мня, что мудрость говорит к нам его устами...(IV).

Важным в сатирах является вопрос выбора линии словесного поведения. Если человек знает правду – говорит он ее или нет? В сатирах показаны три пути: сказать правду; сказать ложь; не сказать ни того, ни другого, смолчать.

Идеал – достижение «золотой середины», умение «таить мысль», «молчать правду». Особенно это важно при дворе:

...Лучшую дорогу
Избрал, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто *правду молчит* - виновен не стался,
Буде ложью утаить правду не посмеет;
Счастлив, кто середины той держаться умеет (II).

Главный проводник мыслей – язык. Не случайно в сатирах много эпитетов и идиом, связанных с ним («скоротечный», «болтливый»; «обуздать язык» и т.д.). Язык может быть длинным или коротким. Это еще одна жизненно важная оппозиция. За длинный язык поплатился не раз, например, Сатир. С точки зрения Старика, у Сатира язык слишком длинный: он врет «не к делу» – неискусно, некстати. Соблюдать золотую середину, знать меру во всем (в том числе и во вранье) – это одно из ключевых положений сатир. Выгнав Сатира из дому, Старик желает ему:

...чтоб бог, каков мне потребен,
Ум даровал, языка отняв половину...

При дворе более выгодным часто оказывается язык короткий, как у Клита из второй сатиры:

А у Клита без того нечто занять нужно
Тому, кто в царском прожить доме жизнь уставил...
...*Короткий язык*, лицо и радость удобно
И печаль изображать – как больше способно
К пользе себе, по других лицу применяясь...

Кантемир показывает обе стороны медали: тот, кто «льстит всякому» (лжец), как правило, «никому не верит», зная цену похвалам:

...Истинная мысль его прилежно таится
В делах его....

Как отличить правду от лжи?

И правда, и ложь распознаются по знакам – часто самым мелким. Сатиры учат наблюдательности. Наблюдать умеют не только «положительные», но и «отрицательные» персонажи. Но знаки нужно уметь правильно читать; неумение правильно кодировать знаки приводит к неверным выводам. Так, молчание может быть принято за глупость:

Редко кто речи людей право весить знает
И склонен, испытав слов силу всех подробно,
Судить потом, каков мозг, кой родить удобно
Мог те слова: больша часть в нас по числу мерит
Слов *разум и глупцами молчаливых верит* (VIII).

Это выводит на один из важнейших вопросов сатир: всегда ли тактика «молчаливо в углу своем таиться» (I), или «молчать правду», для умного человека выигрышна? В сатире VIII ответ на этот вопрос отрицательный.

Присмотримся к некоторым «знакам» – вернее, к средствам выражения правды и лжи на микроуровне текста.

Семантическое поле лжи.

Его отличительные особенности: обилие синонимов («обман», «басни», «враки», «бредни», «ябеда всеплодна», «лесть», «лгунья»); эпитеты с семантикой длительности («бесконечных врак») и скорости «язык быстротечный»; частое употребление множественного числа («бредни», «басни», «враки», «сплетни»). Ложь – это количество; её много.

Ложь тесно связана с «языком скоротечным» (скорость и избирательность).

Глаголы лжи – «врать», «кроить враки», «полыгать», «отлыгаться».

Для описания лжи Кантемир прибегает к эффектным сравнениям:

Стенон, когда в беседе врет что в ум ни вспало,
Ни мал час покой дая языку болтливу;
Слыша его, колесо мельницы шумливу
Воду двигать мнитися в звучные обраты...(V).

Метафоры лжи.

Ткацкая.

Тут-то уж без меду,
Без верви кроить обык, без аршина враки...

Ложь можно творить легко и в большом количестве. Ткацкая метафора в приведенной цитате, с одной стороны, еще более подчеркивает универсальность метафорики одежды для правды и лжи, с другой – в очередной раз указывает на необходимость внимательного отношения к деталям: даже в самом искусно сотканном ложью полотне внимательный глаз может заметить знаки правды. Иначе говоря, и самая яркая ткань, сотканная обманом, где-то тонка и может порваться.

Метеорологическая:

Ложь, обман способны наводить на глаза облако, мешающее видеть истину и вводящее в пропасть:

Когда облак с наших мы прогоним глаз грубый
И наш увидим обман, что в пропасть нас вводит?

Отметим эпитет «грубый», свидетельствующий не только о «содержании», но и о «форме» этого обмана: он грубо скроен; при желании его легко увидеть.

Тропы, пути:

Путь лжи — из числа давно проторенных:

...тропа та не нова:
Всяк так пишет, кто хвалить у нас кого хочет, -
Тому, кого въявь поет, сам в сердце хохочет...(IV).

Растительная

Ложь плодовита. Эпитет «всеплодна» означает, что «ябеда» способна давать многочисленные и разнообразные плоды. А наличие у этой «ябеда» «друзей» (дьяка и подъячего), готовых и способных плодить все новую ложь, автоматически расширяет сферу действия обмана. Плодовая метафора, связанная с комбинаторной операцией расширения, очень точно описывает сам механизм операции замены при обмане:

...Когда еще я вино *располож*л водою (V).

Сначала на уровне RES вино заменяется водой (ложь номер 1); а потом на уровне VERBA эта ложь выдается за правду с помощью номинации. Количество вина увеличивается за счет воды; фактически это уже не вино, а вода. Вином это «пойло» является только по слову, по вывеске, под которой оно продается. Но народ верит именно слову в названии и охотно покупает.

Перифраза, череда аналогий для иллюстрации инвентивной способности лжеца. Аналогии взяты из разных областей жизни – столь же изобретателен обманщик при плетении своих словес:

Да где все то мне списать, что он в стол наскажет!
Не столько зерн, что в снопах мужик в день навяжет,
Не столько купец божбы учинит в продаже
Товаров чрез целый год, и не столько в краже
Раз пойман, давши судье целовальник плату,
Очистит себя и всю казенну утрату (III).

Семантическое поле правды.

Лексически поле правды беднее, чем поле лжи; там нет разнообразия синонимов. В нем важно единственное число (в противовес множественному числу поля лжи): ложь берет количеством; правда – качеством:

Богач и нищий с сумой, гнусна бабья рожа
И красного цвет лица, пахарь и вельможа
Равны в суде, и *одна правда превосходна...*

Правда – «одна»; зато «превосходна»; и это дает ей возможность противостоять в суде всему разнообразию личин лжи и равно честно судить всех, как бы «гносна рожа» самой своей гнусностью ни располагала к субъективности.

В семантическое поле правды попадает и «согласие языка с сердцем» (II).

Здесь найдем и слова из папки «ложь» – но с отрицательным знаком; многочисленные слуги лжи бессильны против одной правды:

Кого *не могут прельстить* в хитростях всеплодна
беда и ее друг - дьяк или подьячий...

Правду можно «говорить», «молчать»; правдой можно «идти» (что синонимично идиоме «таскаться с сумою»); с правдой можно быть в дружбе (это не относится к людям); правду можно «весить» (тихо); правду можно «писать» (не знача имен); правда может «садиться на губах» (в сатирах это выражение дано в отрицательной форме: правда не садится на губах у потомственного вруна Савки в седьмой сатире); «правды знаки» (крошечные) можно увидеть и во лжи; правду можно «знать» (но этого не хотят ни от Автора, ни от Музы); правда характеризуется через оппозицию «редко/часто» (она «редко любя» и «часто некстати», IV), часто «не нравна», потому что «колет глаза»; правда трудна и часто робка (I).

Правда может быть выражена литотно – при помощи отрицания. Очень интересен пример антанакласиса в диалоге Сатира и Перьерга. Перьерг искренне желает добрых отношений с Сатиром:

..если в чем можно
Услужить, я весь готов к приказам неложно.

Литота «неложно» в данном случае означает высокую степень искренности.

Сатир немедленно возвращает Перьергу его выражение в самом ироническом смысле:

Прочь от меня, неложно мне к службе готовый!..

Сатир отказывается признать, что все люди разные, и совершенно незаслуженно проецирует на добродетельного Перииерга все пороки, обнаруженные им в людях.

Метафоры правды.

Они часто те же, что и у лжи, — что лишний раз подчеркивает тонкость грани.

Тропы, пути.

Хождение по тропе правды синонимично нищенству:

Чего ж плакать, что люди хромают душою?
Коли правдой все идти - таскаться с сумою (IV).

Дружбы:

С правдой вы не в дружбе...

Правда, как и многие отвлеченные понятия в сатирах, олицетворяется.

Солярная:

Ужли для нас *истины солнце* уж не всходит?
Напрасно мы льстим себе; сколь нам ни любезен,
Сколь ни нравен порок наш мнится и полезен -
Хулы достоин всегда и достоин смеха,
Долгого в нем ожидать не можно успеха.

Установка на конечную победу правды: солнце должно разогнать облака обмана. Так солярная метафора правды оказывается связанной с метеорологической (облачной) метафорой лжи.

Метафора одежды, узоры

Общая у правды и лжи. Правда может быть голой, обнаженной. Одеть правду в какие-то одежды, украсить ее — часто означает приблизить ее ко лжи.

Вывод из сравнения: правда — проста, тиха, одна, тверда, не подвержена соблазнам, не нуждается в украше. Ложь — громка,

изобретательна, изменчива, быстра. Правда опасна говорящему ее; ложь – скучна и опасна тому, кого «облыгают». Ложь легка; правда – трудна.

Опасно не только врать самому, но и долго слушать ложь, бояться остановить ее поток:

Часто бесконечных врак тяжку снес я скуку,
Потeya, сжимаяся и немее клуши,
Стыдьясь сказать: пощади, дружок, мои уши (VIII).

Оппозиция «правда/ложь» в поэтике.

В поэтологическом дискурсе оппозиция также относится к числу ключевых и тесно связана практически со всеми стадиями создания произведения, с его восприятием, с отношениями в паре «писатель/читатель».

Выше нами были рассмотрены три линии поведения для человека, знающего правду. Кантемир подробно описывает, что ожидает автора на каждом из этих трех путей, тесно связанных с оппозицией «покой/беспокойство».

1. Смело говорить правду

Злоключения такого автора описаны во всех подробностях. Причем он страдает даже не за свою вину, а из-за прихоти своей правдолюбивой Музы:

Всякое злонравие, тебе неприятно,
Смело хулишь, да к тому ж и говоришь внятно...(IV).

Главный арбитр в сатирах – декорум. Главное преступление Музы – нарушение декорума:

...А в тебе что такого? *без всякой украсы*
Болтнешь, что не делают чернца одни рясы...

«Болтнуть без украсы», сказать голую правду – верный способ нажить беду:

Кто же от тебя когда хотел правду знати?
Вдругорь скажу: не нравна - угодить не можно,
Всегда правду говоря... (IV).

2. Хвалить, льстить = лгать.

Этот путь самый подходящий для тех, кто ищет спокойной жизни:

...а хвалить *хоть ложно*,
Хоть излишно, поверь мне, более пристойно
Тому, кто, живя с людьми, ищет жить покойно (IV)..

При помощи вкусовой оппозиции «сладкое/горькое» («мёд/желчь») Кантемир выражает самую суть поведенческой стратегии, приносящей успех в жизни:

Так ли теперь говорят, так ли живут в людях?
Мед держи на языке, а желчь всю прячь в грудях;
И, враг смертный будучи, тщись другом казаться,
Если хочешь нечто быть и умным назваться...(IV).

Ложь дает покой и звание умного. Музе было бы неплохо научиться лицедействовать и скрывать правду.

Аргументы против этой тактики.

Кантемир не стесняется в определениях для таких ложных похвал. Одно из них – «*Род стихов гадких*». «Гадкими стихотворец называет стихи, в которых содержится ложная похвала», – поясняет Кантемир в примечании. Синоним для поэтической лжи – *бредни* (IV).

Многочисленны и аргументы Музы (восходящие к Горацию) против тактики ложной хвалы:

Но вижу, музо, ворчишь, жмешься и краснеешь,
Являя, что ты хвалить достойных не смеешь,
А в ложных хвалах нурить ты не хочешь время.
Достойных, право, хвалить - не наших плеч бремя,
К тому ж человечья жизнь редко одиночна:
Пока пишется кому похвала прилична,
Добродетель его вся вдруг уж улетает...(IV).

Во-первых, ложные хвалы – пустая трата времени; во-вторых, каждое поэтическое задание должно быть по плечу (а похвалы сатирику не свойственны). А самое главное – даже если допустить, что Муза справится с заданием и достойно похвалит достойного, человек может измениться, в один момент утратить свою добродетель. И тогда правда превратится в ложь. И перед поэтом встанет проблема: как быть, когда правда перестает быть правдой? Как поступить с такими – внезапно ставшими лживыми – стихами?

Куды тогда труд стихов моих уж девался?
 Пойду ль уже чучело искать я другое,
 Кому б тые прилепить? иль, хотя иное
 В нем вижу сердце, ему ж оставя, образу
 Себе в людях навлеку, кои больше глазу
 Верить станут своему, нежели моей бредни...

Как всегда у Кантемира, есть, как минимум, два варианта поведения:

- 1) оставить как есть — и быть готовым к тому, что люди не поверят и обоснованно обвинят поэта во лжи;
- 2) найти нового адресата, чтобы стихи не пропали даром. Новое «чучело» – так циничный Автор называет человека, более-менее подходящего для того, чтобы прилепить готовые стихи. Тот, кто пишет лесть, часто презирает своего героя.

Сочинения должны быть приятны читателю – это требование декорума. А грубый слог сатиры вряд ли будет приятен. Рифма «слог грубый – не любви» предваряет появление глагола читательского возмущения:

И ворчит уж не один...(IV).

Заметим в скобках, что «слог грубый» правды заставляет вспомнить «облак грубый» обмана, о котором шла речь выше.

3. Молчать.

Молчать правду – это не вина. Эту линию поведения, ближе всех стоящую к желанной горацианской «золотой середине», легко оправдать аргументом авторитета, оглядкой на образцы:

Лучше нас пастыри душ, которых и правы
И должность есть исправлять народные нравы,
Да молчат: на что вступать со всем светом в ссору?.. (IV).

Если уж люди, признанные образцами морали, не находят возможным стоять за правду, то менее сильным и пробовать не стоит. К тому же не всегда лесть и ложь приносят успех:

Много видел я таких, которы противно
Не писали никому, угождая льстивно,
Да мало счастья и так возмогли достати...

Рифма «льстивно-противно» сводит две тактики лицом к лицу.

«Знать правду /значить имена»

Это еще одна жизненно важная дилемма, стоящая перед автором:

Знаю, что правду пишу и имен не значу,
Смеюсь в стихах, а в сердце о злонравных плачу;
Да правда редко любя и часто некстати –
Кто же от тебя когда хотел правду знати?..(IV).

Перед нами фигура просаподосиса: четыре строчки обрамлены, окольцованы вариантами словосочетания *знать правду*. Смысл таков: «знаю, что пишу правду, которую никто не хочет знать». Парономасийная пара «знаю» (правду)/«не значу» (имен), где слова очень похожи и одно может легко спрятаться за другое, поднимает вопрос, который будет обсуждаться в течение всего 18 века и так и не найдёт однозначного ответа: должна ли сатира быть на порок или на лица. По сути, это все тот же вопрос меры: до какой черты можно идти, говоря правду.

Правда охарактеризована посредством комбинаторной операции расширения. Фактически перед нами синонимия, поданная через оппозицию «редко/часто». Интересна игра положительным («любя») и отрицательным («некстати») значениями слов внутри синонимических групп. Эпитет с положительным значением нейтрализован наречием «редко»; а негативное значение – наоборот – усилено

наречием «часто»: правда редко любя и часто некстати. Этот повтор может показаться плеоназмом; тем не менее, он необходим автору — хотя бы в чисто дидактических целях (чтобы убедить своенравную Музу). Рифма «некстати – знати» еще раз подчеркивает реально существующее положение дел: правда всегда некстати.

Подробно рассмотрев все три возможные пути, автор решает, что путь писания легких лживых похвальных стихов не для него: ему они даются тяжело. Зато он будет смело писать правду; а синоним правды — сатира:

Ин, каков бы ни был рок, смелою рукою
 Злой нрав станем мы пятнать везде неостудно.
 И правда, уж от того и уняться трудно...

Слово «правда» в значении «и впрямь» здесь совсем не случайно.

Подведем итог. Рассмотрев способы репрезентации одной из ключевых оппозиций сатир на микроуровне текста, сравнив лексико-семантические поля правды и лжи, их метафорические коды, систему риторических приемов изображения, мы приходим к выводу, что весь этот богатый арсенал Кантемир использует, чтобы показать, насколько тонка грань между правдой и ложью; насколько внимательным нужно быть к мельчайшим деталям, по которым их можно распознать. Такой пример распознавания явлений по знакам — по микрофилологическим приметам — и дает нам Кантемир.

ЛИТЕРАТУРА:

Гаспаров Михаил: *Об античной поэзии. Поэты. Поэтика. Риторика*. Санкт-Петербург 2000, с. 475.

Довгий Ольга: «*Развернуть старика...*»: *Сатиры Кантемира как код русской поэзии. Опыт микрофилологического анализа*. Москва 2012.

Кантемир Антиох: *Собрание стихотворений*. Ленинград 1956.